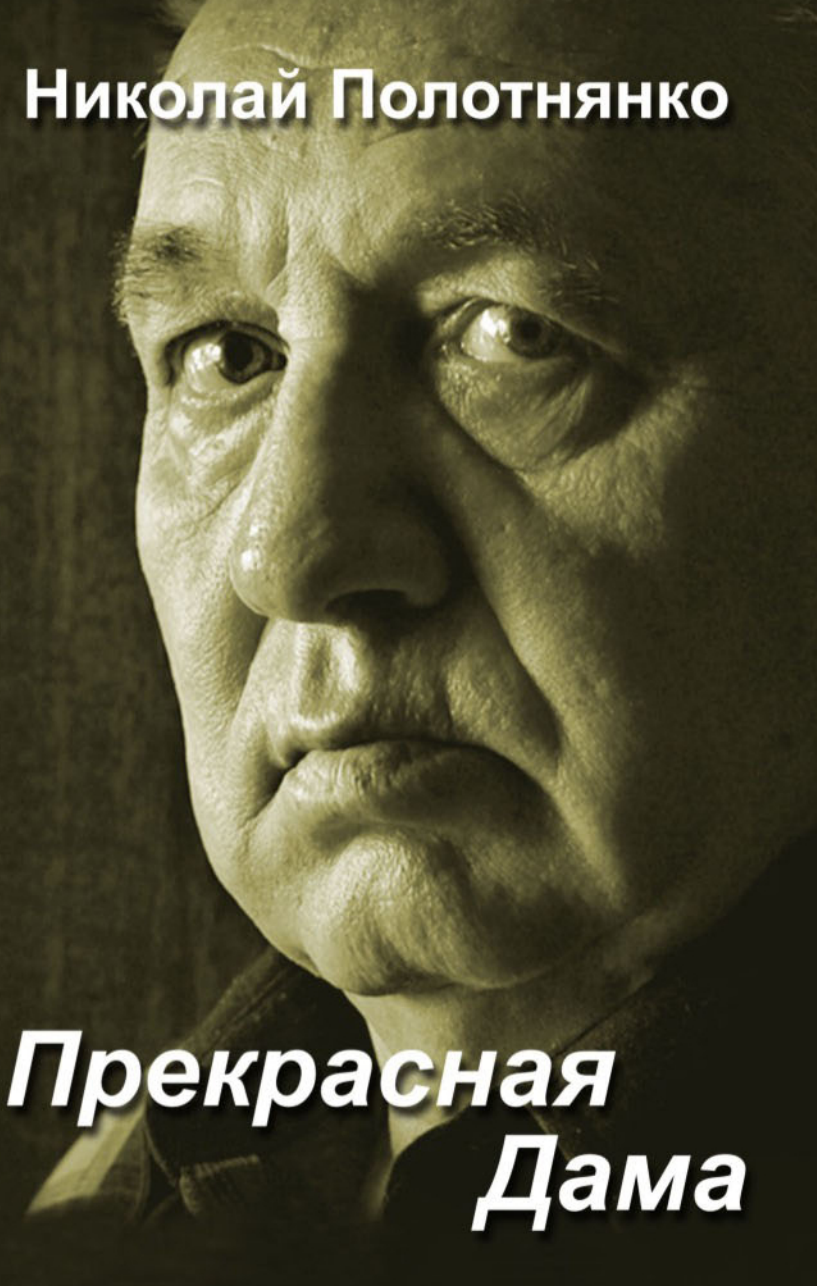

Николай Полотнянко

Николай Алексеевич Полотнянко
родился 30 мая 1943 года
в Алтайском крае.
Окончил Литературный институт
имени А.М. Горького.

Николай Алексеевич
является автором романов:
«Государев наместник»,
«Атаман вся гулевой Руси»,
«Клад Емельяна Пугачева»,
«Жертва сладости немецкой»,
«Бесстыжий остров»,
«Загон для отверженных»,
«Минувшего лепет и шелест»,
«Счастлив посмертно»,
комедии «Симбирский греховодник»,

а также поэтических сборников:
«Братина» (1977), «Просёлок» (1982),
«Круги земные» (1989), «Журавлиный
оклик» (2008), «Русское зарево» (2011)
«Бунт совести» (2015), «Судьба
России» (2016), «Как хорошо, что
жизнь прошла» (2017) и других.

С 2006 года – основатель
и главный редактор журнала
«Литературный Ульяновск».

В 2008 году Николай Полотнянко
награждён Всероссийской
литературной премией имени
И.А. Гончарова, в 2011 году –
Почётной медалью имени
Н.М. Карамзина, в 2014 году –
орденом Достоевского 1-й степени,
в 2015 – премией Н.Н. Благова.

Живёт в Ульяновске.

Прекрасная Дама

Николай Полотнянко

ПРЕКРАСНАЯ ДАМА

Ульяновск
2017

ББК 84(2Рос=Рус)
П525

Полотнянко Н.А.

П525 Прекрасная Дама. Стихотворения /
Н.А. Полотнянко. – Ульяновск: Издатель Качалин
Александр Васильевич, 2017, – 92 с.

«Прекрасная Дама» – это художественный образ, возникший в поэзии трубадуров в конце XI – начале XII века на юге Франции, в Провансе. В России он широко использовался Александром Блоком, последним поэтом русской классики. Через сто лет русский поэт Николай Полотнянко создал сборник стихотворений, где лирическим героем вновь стала неувядаемая Прекрасная Дама, но уже начала третьего тысячелетия.

© Полотнянко Н.А., 2017

* * *

Забросить я решил стихосложение,
Чеканку слов, огранку рифм и строк.
Что доставляло сердцу наслаждение,
Решил отвергнуть я, как наваждение,
Как смертный грех гордыни, но не смог
С самим собой поладить любовно.

И в слабости моей она одна виновна,
С кем встречу я давно предугадал,
И для Прекрасной Дамы пьедестал,
В чьей нежной власти вся судьба поэта,
Воздвиг в стихах из солнечного света.

Золотая струйка света

Золотая струйка света
Просочилась в небе мутном.
И легко душа поэта
Встрепенулась рано утром.

Что же ей там приоткрылось,
В несказанном робком свете?
Что за радость, что за милость,
Кто её и чем приветил?

Всё вокруг сияньем нежным
Солнце утром обласкало,
Но бессмертия надежда
Для неё лишь просияла.

И душе всего лишь мига,
Чтобы всё понять, хватило.
И возрадовалась тихо,
И поэта разбудила,

Прошептал: «Запели птахи.
Я помочь тебе готова.
И с листа пустой бумаги
Ввысь вспорхнёт живое слово.

Поспеши за соловьями
Записать их песнопенье.
И своей Прекрасной Даме
Поднеси стихотворенье».

Красота

В поэте должен быть простор,
Желаний буйство, слов напор,
А Красота – в Прекрасной Даме,
Что над поэтом и словами
Владычествует с давних пор.

Когда проходит между нами
Она, то видит всех насквозь
Своими звёздными очами,
Что никогда не знали слёз.

Она, как правды свет, чиста,
И нимбом вокруг неё струится
Божественная Красота,
На всех готовая излиться,
Кто захотел освободиться
И смыть с души все тени тьмы.
От Красоты светлеют лица,
И проясняются умы.

Она нас к Богу возвышает,
Дарует светлую мечту.
Но мало кто об этом знает.
Не ищут люди Красоту,
Хотя она всегда над нами
Сияет от начала лет
В созвездии Прекрасной Дамы,
Всем излучая Божий свет.

Горит поэзия моя

Гори, моя судьба, гори!
Осталась дней моих лишь горстка.
Лети, судьба моя, с горы,
Как подожжённая повозка.

И первым спас я соловья,
Что распевал в душе полвека.
Горит поэзия моя,
И пеплом, словно хлопья снега,

Летят и кружатся стихи.
В них жизнь моя, мои тревоги
И позабытые грехи,
И все мои пути-дороги.

Горит поэзия моя...
И преданность Прекрасной Даме
Ликует в горле соловья
К ней обращёнными стихами.

И это всё про вас

И это всё про вас: вы мне так милы,
Так несказанно свежи и чисты,
Что вас не обожать, нет у поэта силы.
И я вас вознесу до звёздной высоты,

Где сам я не бывал, но там, как в фугах Баха,
Сияет музыка небесной чистоты.
Хрустальные дворцы воздвигнуты средь мрака.
Они всегда для смертного пусты,
И свет струится в них мажорной гаммой.
В блистательных чертогах Красоты
Вы явитесь для всех Прекрасной Дамой.

И в лунном зеркале пребудет отражён
Прелестный профиль дорогого лика.
И не устанут вас поэты всех времён
Хвалить за ваше возвышающее к Богу иго.

Кольцо соблазна

Она мне больше не напишет.
Она стихов моих не слышит.
Забилась в норку и молчит,
Как мышка, но стучит, стучит
Моя любовь в её сердечко...

И вдруг с мизинчика колечко
Упало на пол и звенит.
Его хвостом задела кошка.
Оно, позванивая дрожко,
Исчезло где-то навсегда,
Приспела девичья беда.

Не плачь, родная, о потере.
Не запирай входные двери.
Я поднесу тебе кольцо
И осушу твоё лицо.

Моя Прекрасная всё знала:
Как ты мою любовь терзала,
Своей противилась судьбе,
Что ты не пишешь писем мне,
Не появляешься в окне
И заперлась сама в себе.

– Отдай волшебное колечко.
Любовью пламенной к тебе
Оно зажжёт её сердечко.
Но ты с подарком не спеши
И, прежде чем отдать, реши:
Любовью ложной, несвободной
Ты сможешь счастье обрести,
Иль станет душу стыд скрести?
С ответом жду тебя сегодня.

Вопрос попал не в бровь, а в глаз.
Я сник. Любовь по принуждению
Постыдно унижает нас,
Приводит душу к омертвению.

Мне та, которая не пишет,
Что в норку спряталась свою,
Так дорога, её люблю,
Хотя она меня не слышит.

Как окаянными глазами
Смотреть я буду ей в лицо?
И я вернул Прекрасной Даме,
Её обманное кольцо.

Вы звали – я на ваш явился зов

Вы звали – я на ваш явился зов,
Но замолчу, коль вам это угодно.
Не в правилах моих навязывать любовь
Прекрасной Даме, если не свободно
Её сердечко для моих стихов.

Она не даст в него мне заглянуть
И подсмотреть, что тайно в нём хранится.
Какие в нём события и лица
Погребены, и ей их не вернуть.
Былое никогда не повторится,
Но и дотла не сгинет, не сгорит.

Она не знает, как ей с этим быть.
Как сердце от страстей освободить,
Ведь призраки былого, как паяцы,
Не могут танец мести прекратить,
Прекрасной Даме память уязвляя,
Что год назад она была другая,

Пока её не соблазнил поэт,
Мечтами о надзвёздном и прекрасном.
Она сдалась и согласилась быть
И Красотой, и мерой Красоты бесстрастной,
Чтобы основу жизни сохранить
В наш век, и бессердечный, и ужасный.

И вздрогнул я

Прекрасная всегда и неземная,
Она вдруг восхотела стать земной.
И, ласково мой разум затмевая,
Сказала тихо мне: «Побудь со мной...»

И вздрогнул я: ведь для меня незримой
Была она. И что случилось с ней –
Единственной, неповторимой
Красавицей божественной моей?

Вдруг в пустоте пред мной открылись очи,
Пронзительно прекрасные огни.
Пунктиром проступил фигуры очерк
На фоне беломраморной стены.

Телесность обретал он с каждым мигом.
И пред её священной наготой
Моя душа немым вскричала криком,
И я поник пред вечной Красотой.

И мог ослепнуть от её сиянья,
Но свет померк.
Сквозь колокольный звон
Услышал всхлип, недолгое рыданье...
И провалился в тяжкий мутный сон.

Явилось солнце месяцу на смену.
Растаяла последняя звезда.
Я оглянулся, посмотрел на стену,
Она была как первый снег чиста.

Портрет

Забудь её, мне говорит рассудок.
Но как забыть, когда всегда я с ней
Пред вечностью в любое время суток –
С поэзией – единственной моей.

Она владеет мной почти полвека
И к подвигу мой смертный дух зовёт,
Когда вдруг зазвучит во мне, как эхо
С неведомых космических высот.

Но я не слышал этот зов сначала
В потёмках поселкового угла.
И красота стихов меня смущала,
Тем, что пугала и к себе влекла.

И вот однажды мне открылось чудо.
Когда погас дневной над миром свет,
Вдруг предо мной возник из ниоткуда
Прелестной женщины загадочный портрет.

Он был написан не рабочей кистью
Художника, но ангельским перстом
И воплощённой Рафаэлем мыслью
О Красоте, что в облике земном

Явила мне небесное в портрете
И звёздное – в мерцающих очах,
Изящное – в туманном силуэте,
Гармонию – во всех её чертах

Как образец прекрасного поэту,
На что равняться в творчестве своём.
Я захотел приблизиться к портрету,
Но вспыхнул он стремительным огнём.

И трепеща, что гибнет образ милый,
Всем существом рванулся я к нему.
Но Красота, пылая, уходила
От человека навсегда во тьму.

Устали вы

Прекрасной Дамой быть для грешного поэта
Устали вы... Из рабства Красоты
Освобождаю вас, как ни печально это.

И возвращаю вам девчоночьи мечты,
И радостное праздничное лето,
И знойный день, когда с подружкой вы
На даче, жарким солнцем разогреты,
Лежали в свежих зарослях травы,
Средь звонкого сверчкового трезвона.

И вдруг увидели огромного дракона,
Что полз на вас меж небом и землёй.
Сверкая и рыча, вал рухнул дождевой,
И вы с подружкой поспешили в дом,
Разбрызгивая лужи, босиком...

Но к этим дням, увы, возврата нет.
Вас скука ждёт. Покинув дом поэта,
Вы, милая, не избежите бед,
Вас мнимые друзья сживут со света.

Вам предстоит нелёгкое житьё,
Но чистая душа не виновата в этом.
Поэта бросив, вы обидели её.

Она ведь часть его чарующей души,
И расставанье с ней подобно умерщвлению.
И потакать она не станет вашей лжи,
Что вы устали, поддались сомнению...

Послушайте, что я скажу сейчас:
Закрепостив, я вас лишь тем спасаю,
Что из Прекрасных Дам не отпускаю вас.
Дав вольную, её я отменяю.

Морок предновогодний

Твои черты неуловимы.
И тщетно в памяти порой
Я их ищу. Как клубы дыма,
Они сквозят, проходят мимо,
Дразня затейливой игрой.

Я вижу цвет, я слышу звуки.
Но не вернуть их мне уже,
Не дотянуться до разлуки,
Не возвратить глаза и руки –
И стынь отчаянья в душе...

Мы разошлись. Осталась тайной
Ты навсегда в моей судьбе.
Прошло полвека. И случайно
Я повстречал тебя в толпе.

Как обожгло! О боже, боже,
Ты не состарилась ничуть,
А стала краше и моложе,
И та же стать, и та же суть,

И тот же взгляд, слегка надменный,
Такой же локон золотой...
Но это был, увы, мгновенный,
Внезапный морок. Предо мной
Была стена и в ней пролом.

Я вспомнил этот старый дом.
Ты в нём жила, тому полвека,
И тень оставила свою.
Как будто вытаяв из снега,
Опять вернулась в жизнь мою.

Быть может, ты явилась зовом
Из тьмы, куда мы все уйдём,
Как солнце, заревом багровым,
И откровенье обретём,

Зачем на этом свете жили,
Зачем любили и грешили,
Летали, ползали в пыли,
Но счастья так и не нашли.

Про вас мне говорят

Про вас мне говорят,
Что ваше сердце – камень.
И ваша красота бесчувственна, как лёд.
Что вас не разволнует, не проймёт
Поэзии моей летучий пламень,
Лишь только разогреет на чуть-чуть,
Но не затронет каменную суть
Души, что страсть любви не испытала
И закоснела в гордости...

Всерьёз
За вас возьмусь я, как каменотёс,
И вырублю из камня сердца розу,
И гением в неё страдание вдохну.
Вы влюбитесь в меня,
Прольёте слёзы...
Но в камень снова я вас не верну.

Живите мной и радуйтесь, и верьте:
Я вас Прекрасной Дамой назову
И буду славить вас, пока живу.
И сохраню вас навсегда в бессмертье.

Уходит из России Красота

Холодный май – и все мы холодны,
Бесчувственны. Народу не до песен.
И дни России Богом сочтены,
Но час суда, как прежде, неизвестен.

Он не простит отступничество нам
От Красоты и призовёт к ответу.
И нелегко живётся соловьям,
Прекрасной Даме и её поэту.

Она ко мне бежала из Москвы,
Столицы пошлости и суетной мороки,
Где все поэты стали так мертвы,
Что пишут обескровленные строки.

Я затопил на ветхой даче печь,
Подав ей, чтоб согрелась, полушубок.
И слушал плач и пламенную речь
Под воркованье молодых голубок.

Когда вокруг ликует срамота,
То не найдёт народ судьбу-удачу.
Уходит из России Красота,
И я над ней разбитым сердцем плачу.

Но это навсегда пребудет тайной

Очей то тёплый свет, то сумрак холодный
Преображает образ ненаглядной
Прекрасной Дамы...
То она добра
И к стихотворцу милостива даже.
Поднимет среди ночи ото сна
И мысль внушит, и все слова подскажет.
Я ей прочту стихи, она стакан вина
Мне из бутылки, спрятанной супругой,
Преподнесёт, прикинувшись подругой.

Но не всегда она на милости щедра,
Лишь изредка, по праздникам, являет.
А в будний день немедленно с утра
Меня к стихам – работать – отсылает,
Как среднеазиатского раба.
Но у меня счастливая судьба
Ей подчиняться по своей охоте,
Всегда с ней быть: во сне и на работе.

И никогда я не могу забыть:
Она, хоть и прекрасна, но бесплотна.
И страшно мне, что вдруг она сегодня
Меня покинет...
Как я буду жить?
Кто мне поможет на работе страдной?
И без Прекрасной Дамы ненаглядной
О чём народу буду говорить,
И воспевать очей то тёплый свет,
То сумрак хладный?

Но только с ней – единственной, святой –
Я поделюсь мечтою окаянной,
Что так хочу познать её земной
Прекрасной Дамой, каждый миг желанной!

Но это навсегда пребудет тайной.

Затмения ночь

Молчи, молчи...
Не говори.
Мне верности твоей не надо.
На всплески утренней зари
Не обращай с обидой взгляда,

Что быстро наша ночь прошла,
Как будто жаркое затмение.
У страсти, что нас здесь свела,
Не будет больше продолженья.

Как мотылёк в стекло окна,
Твоё сердечко тихо бьётся.
Друг друга выпили до дна
Мы в эту ночь, что не вернётся.

Ты беззащитна и тиха.
Мы согрешили страсти ради.
Но даже тени нет греха
В твоём покорном чистом взгляде.

Угас очей призывный пыл,
Потухло чувственное пламя,
В котором, грешный, позабыл
Я о своей Прекрасной Даме.

Как поздно вспомнил я о ней,
Мне верной в счастье и в печали,
Что даже через много дней
Она простит меня, едва ли.

Но и прощения просить
Мне, может быть, и не придётся,
За то, что довелось испытать
Водицы в колдовском колодце.

На Красоту объявлена охота

Мне по сердцу весны
Слегка хмельной кураж.
Она так простодушно ликовала,
Когда пришла на мой шестой этаж
С поэзией высокого накала,

Чтоб рухнули запретов рубежи
И воссияло праведное слово,
И чувства благородные души
Не пали жертвой времени крутого,
Что к нам спешит по адовым кругам.

Оно несёт потёмки для народа.
Культуру заразили глум и срам.
На Красоту объявлена охота,
Её враги всё ближе с каждым днём:
Изгнать её бахвалятся открыто,
Измазать дёгтем, выпороть кнутом...
И только в сердце трепетном моём
Найдётся ей надёжная защита.

Но мы не станем долго пребывать
С Прекрасной Дамой в настроенье праздном.
Открою я свою рабочую тетрадь.
И сразу же она начнёт мне диктовать
Поэму про глумленье над прекрасным.

Мы от всех заслонились

За чердачным окном стонут голуби.
Громоздятся вокруг дома.
В глубине двора, словно в проруби,
Непроглядно клубится тьма.

Над притихшим вечерним городом
Мы парим на балконе вдвоём.
Нас друг к другу прибило холодом,
Зябким уличным сквозняком.

Небо звёздами негасимыми,
Улыбаясь, глядит на нас.
Захотелось нам быть любимыми
В бесприютный печальный час.

Нам тепла и сочувствия хочется,
Мы надеждой на счастье живём.
Коротать своё одиночество
Нам с тобой веселее вдвоём.

Пересудами и проклятьями
Здесь никто не коснётся нас.
Мы от всех заслонились объятьями
И забылись друг в друге на час.

Не возвращайте мне... меня

Не возвращайте мне... меня,
Ведь вы ещё не разлюбили
И не остыли от огня,
Что грудь мою прожѣг навывлет,
И вашим сердцем овладел,
Своим настойчивым терзаньем
Его измучил, одолел,
Понудил уступить желаньям.

Но совершить к обрыву шаг
Вам гордость строго запретила.
И ваша чистая душа
Себя спасла, но опалила
Видением греха ваш стыд,
Хотя был близок страсти морок,
Готовой вспыхнуть, словно порох...
Но он не вспыхнул, был залит
Потоком слёз... Ведь вы любили
И не остыли от огня,
Что грудь мою прожѣг навывлет.

Не возвращайте мне... меня.

Пора сказать

Пора сказать, что вас я не люблю,
Как ни прекрасны вы...
Я это знаю,
Но честным надо быть у жизни на краю.
Пора признаться мне, что вас я обожаю,
Но не решусь, чтоб не встревожить вас
Заведомою странностью признанья.

Кого-то обожать не принято у нас,
Кроме вождей.
Любовные страдания
Гораздо ближе нам.
Нас привлекает страсть,
Измены, ревности, судебные процессы.
Прошли те времена, когда повесы
Смиряли плотских чувств над ними власть
Бренчанием гитары и стихами,
И благородством книжным, но сейчас,
Когда нагая плоть повелевает нами,
Прекрасной Даме скучно среди нас
Какими льстивыми ни осыпай её словами.

Случайная встреча

Когда-нибудь лет через двадцать,
Вы будете стоять в раздумье у окна.
И будет майский день листвой смеяться.
И будет слух ласкать живая тишина
Шуршанием незримых тварей божьих,
Довольных и теплом, и светом дня.

И вдруг в одном из уличных прохожих,
Похолодев, узнаете меня.
И вымолвите: «До чего похожий...»
И вспомните всего, от головы до ног,
Но к жизни не вернёте – вы не Бог.

Когда-то были вы моей богиней,
Такой и остаётесь мне доньше.
И дольше вечности продлится этот срок.

Напутствие

В Прекрасной Даме красота и стать,
И разум, и провидчество – от Бога.
С ней рядом не могу я близко встать,
Она же ведь такая недотрога.
И даже слова поперёк сказать
Я не могу – страшусь её немилости,
Ведь без неё стихов мне не писать,
Ведь без неё мне в творчестве не вырасти.

Она на мой шуточный мадригал,
Не отзовётся, только встанет в позу.
Она, презрев мои стихи и прозу,
Начнёт меня безмолвием терзать.

Но я её молчание разрушу
И прошепчу: «Любимая, вы душу
Украли у меня, и вам несдобровать.
Поступком вашим возмущён мой гений,
В чьей власти я бессрочно нахожусь.
Страшитесь, что наслёт на вас он грусть,
Сожмёт сердечко и затмит сознание...
Вы влюбитесь в седого старика,
Но не считайте это наказаньем.

Кто вас поранил, тот излечит вас.
Поверьте мне, и завтра, как сейчас,
Мой добрый гений рядом с вами будет.
Ваш страстью к творчеству талант омолодит,
Всё, что ему противно, умертвит,
Что слишком горячо, то медленно остудит,
И вручит вам не камень, не металл,
Но пушкинский магический кристалл,
Чтоб вы смогли спокойно без обмана
Вглядеться в даль свободного романа...»

Соловиный сад

Когда-то он в один из светлых дней
В поэзию вошёл, счастливый и наивный.
И заблудился на полвека в ней,
В саду чудес и соловьиных гимнов.

Он жил как все поэты – наугад,
И годы незаметно пролетели.
И сам собою высох дивный сад.
И соловьи куда-то улетели.

И не понять, что золото, что медь
В листве, опавшей из души поэта.
И мимо проходя, таинственная смерть
Сад подожгла внезапной вспышкой света.

Он, как закат, торжественно сгорел
И превратился в кучи зольной пыли.
И соловей залётный ночью пел,
Горя, на поэтовой могиле.

На солнце, говорят...

На солнце, говорят, бывают пятна.
А на Прекрасной Даме?
Нет, и нет!
Хотя она порою мне досадна.

Блок восхвалял её так много лет,
Столь напустил словесного тумана,
Что признаков телесности лишил,
И превратил почти в фата-моргана.

Лишь через век её я оживил.
И женщину земную наделил
Волшебной красотой Прекрасной Дамы.
И сделал героиней личной драмы,
Чтоб обрести надежду и мечту,
Но ими соблазнится век едва ли.
К прекрасному любовь мы потеряли,
Как потеряли в душах высоту.

С Прекрасной Дамой трудно вровень встать,
Ей чуждо чувство равенства с мужчиной.
Она его то станет поучать,
То примется загадочно молчать,

Чтоб побудить его искать причины,
Чем недовольна в этот миг она.
Но он не знает, в чём его вина,
И почему он заточён в молчанье,
Оторван от бумаги и пера.

Что для неё забавная игра,
То для него угрюмое терзанье,
Из коего является Поэт.

На солнце, говорят, бывают пятна.
А на Прекрасной Даме?
Нет, и нет!
Хотя она порою мне досадна.

Ты стала звонкой памятью о лете

Ты стала звонкой памятью о лете.
Упрямо рвущей скорость с птичьих крыл.
Ты уходила, оставляя ветер,
Чтоб он следы листвою заносил.

Ты уходила из моих объятий
Под шум дождя, чтоб не прийти назад.
На всём былом сургучные печати,
Над всей землёй метелью листопад.

Моя рука тепла не сохранила...
Что делать мне? Зубами стиснув крик,
Рвануться вслед... Ты всё же уходила,
Как до меня, наверно, от других.

Ты уходила! Так уходит лето,
В своём конце ещё прекрасней став,
По острию трепещущего света,
Сквозь стены ливней, листовал дубрав.

Ты уходила! И легко, и живо
Крылами птиц махала октябрю.
Прощанье наше было молчаливо.
За это я тебя благодарю!

Ты уходила эхом дивной вести,
Что где-то есть и воля, и покой.
Оставшись для меня неспетой песней
Про то, что снова встретимся с тобой.

Увядшая роза

Увядшая роза в узорчатой вазе,
Скажи мне, несчастная, кто тебя сглазил
И завистью чёрной твой цвет опалил?..

Ведь только вчера я тебя поместил
В сосуд драгоценный с живительной влагой,
От солнца прикрыл серебристой бумагой,
И дверь за собою на ключ затворил,
Чтоб враг Красоты до тебя не добрался...

И с горечью только сейчас догадался,
Что выключить радио я позабыл.

Где это всё?..

Я в жизни и любил, и был любим.
Где это всё?.. Развеелось, как дым,
Иль навсегда осталось отпечатком
В душе, чтобы с иным миропорядком,
Пройдя горнило наших страшных дней,
Воскреснуть в новой памяти моей.

Земли я не узнаю, может быть.
Но мне на поле смерти не забыть,
Как я в забвенье сладостном взирал
В сияющие нежной страстью очи.
Я помню наши пламенные ночи
И соловья, что нас благословлял...

О, эти очи, очи!.. И сейчас
Вы так чисты, наивны без обману.
Я никогда пред Богом не предстану
За то, что вижу не его, а вас.

О времени, что не ушло в песок

О времени, что не ушло в песок,
И тайно пребывает между нами,
О том, что было, молча, между строк
Я расскажу моей Прекрасной Даме.

И тишина неслышно прозвучит,
И дрогнет сердце от немого крика.
Когда душа с душой заговорит,
Мы не спугнём таинственного мига.

И в немоте, соединившей нас,
Он сохранится, как в янтарной капле,
Чтоб кто-нибудь прочёл немой рассказ
Про то, как мы пылали, как мы зябли.

И весело спешили за судьбой,
Не ведая своих предназначений,
Что предстоит нам замостить собой
Дорогу для грядущих поколений.

Очи

Я ждал шесть лет,
Пока она пришла.
И встала предо мной.
И улыбнулась мило.
Её очей мерцающая мгла
Обволокла меня и поглотила
Всего на миг...

И я увидел в нём
Нас не перед венчальным алтарём,
А в диком поле, исключенном бураном,
Бредущих по сугробам и бурьянам.

Она коснулась бережно меня,
И снова два мерцающих огня
Её очей меня заморозили.
Река бурлила, и по ней мы плыли,
И вёслами гребли, что было мочи,
Пока не провалились в водопад...

Она сказала: «Загляни мне в очи
Последний раз и прочь беги – в них ад!»

Счастье правды

Я слышу от Прекрасной Дамы милой:
«Ты хочешь быть счастливым,
Но зачем?
Свыкайся, друг мой,
С истиной унылой:
Что счастья нет,
Давно известно всем».

Она права.
Но с трезвой правотою
Никак я согласиться не могу.
И потому с упрямой прямою
Я верю в то,
Во что не верить не могу.

Прекрасная!
Прошёл я все дороги,
И за спиной
Смешались плач и смех.
Приходит время
Подводить итоги.

И полон я
Надежды и тревоги,
И веры в то,
Что счастье есть для всех.

Я жертвую иллюзиями века,
Идя путём нетореным, своим.
Не со свечой ищу я человека
Средь бела дня,
Не нищий, не калека,
Любя людей,
Я знаю цену им.

Один солжёт,
Другой предаст,
А третий –
Поглядишь, идёт пешком по головам.
Но счастье правды есть
На белом свете,
Тому порукой истина и дети.
Есть искупление пролитым слезам.

Мы встретимся ещё

«Мы встретимся ещё...»

Что это? Обещанье,
Которому не верить мне нельзя?
Нам суждено посмертное свиданье.
Мы с вами не случайные друзья,

Но сотоварищи в литературной брани.
Сроднила нас к поэзии любовь.
И для меня милей нет наказания –
Надеяться, что встречу вас я вновь.

Услышу вашу речь, увижу ваши очи,
Прочувствую в них даль и глубину
Души кристально чистой, непорочной,
И вечности её не трону тишину.

И вы её не троньте чувством ложным
Пустого недоверия ко мне.
Тогда ещё мы встретимся, возможно,
В космической надзвёздной вышине.

Поэзия, владеющая нами,
Нас на высоты духа вознесёт,
Где не людьми мы будем, а словами,
Которыми Господь нас наречёт.

Огонь

Поэзии мне по сердцу огонь...
Над каждою строкой стихотворенья
Он – то взовьётся, словно красный конь,
Вкруг рассыпая искры вдохновенья,

То от него останется лишь жар,
Как от углей сгоревшего кострища.
И мы с Прекрасной Дамой в нём отыщем
Поэзии животворящий дар.

В свой час он вспыхнет над строкой огнём
И точно в сердце бьющими словами.
И станет навсегда и жаждой, и глотком
Поэзии, что властвует над нами.

Любым стихам недолог срок гореть
При жизни их творца.
У них удел особый:
Огонь поэзии не гасит даже смерть,
Но превращает в бронзу высшей пробы.

Он жив, но умер как поэт

Февральской вьюгой взбаламучен,
Спал город, словно пьяный мозг,
Во сне кошмарами измучен,
Каких не выдумает Босх.

И – одинок среди толп сограждан,
Вдохнув поэзии сполна,
На высоте шестиэтажной
Поэт, распятый у окна,
Ждал randevу с Прекрасной Дамой,
И страстно вглядывался в тьму.
Из глубины дворовой ямы
Тянулись призраки к нему,
Как будто к другу своему.

Она пришла к нему печальной
И тихо молвила: «Поэт,
Не слышу песен величальных.
Кто наложил тебе запрет
Слагать ритмические речи
И страстно мне читать их вслух,
Чем озабочен ты, мой друг,
Ведь ты не рад, как вижу, встрече?»

«Моя душа не оскудела
К вам, ненаглядная моя, —
Сказал поэт, — но, то и дело,
Страсть губит песню соловья.
Я впал в ужасное сомненье,
Что вы — оптический обман,
Иль колдовское наважденье,
Иль бред больной, или туман...
Но если это так, то, значит,
Я пел все песни пустоте,
Тому, что лишь в уме маячит,
Но не загадочной мечте.
Своими страстными стихами,
Воспел пустую суету.
И отдал жизнь Прекрасной Даме,
Её не видя красоту.
Заворожил меня ваш голос,
Что слышу я со всех сторон.
Моё сознание расколосось,
Не знаю, кто вы — явь или сон?

Чтоб верил я Прекрасной Даме,
Подайте мне хотя бы знак...»

Зашелестев черновиками,
Подул откуда-то сквозняк,
Впустив дыхание мороза,
И хлопнул форточкой.
На стол
Упала высохшая роза.
И скрипнул деревянный пол.

Глазами, полными страданья,
Поэт глядел на знак прощанья,
На розы высохший бутон.
И страх пронзил его сознание,
Что он заклят, и обречён
Прекрасной Дамой на молчанье,
Ему закрыт прозрений свет,
Он жив, но умер как поэт.

В музейной тишине

В музейной тишине, где вечность спит,
Зевак смущая исполинским ростом,
Подъятый на дыбы, оскалившись, стоит
Доледниковой твари костный остов.

Казалось, время прекратило бег.
И я услышал от Прекрасной Дамы:
– Поэт, здесь может всякий человек
До вечности дотронуться руками.

Я вижу в них первосуществ эскиз,
В останках, чудом избежавших тленья,
Так непохожих на зверей и птиц,
Что создал Бог в последний день творенья.

И сей скелет, и рядом позвонки –
Не более чем творчества отходы:
Природы – пробы и черновики,
Следы её исканий и работы.

Природа воплотила Божью мысль
О совершенстве. Всё иное – стёрто.
Остался Красоты неизречённый смысл
И таинство беззвучного аккорда.

Загадка творчества

О творчестве Прекрасной Дамы мнение
Хранит моя рабочая тетрадь.
Оно отрывочно, туманно, к сожаленью.
Возможно – это ключ, как разгадать
Загадку творчества другому поколению:

«Чем ближе к Правде речь, тем ярче Красота
Твоё, поэт, творенье насыщает.
Она божественна, и потому проста,
Она – свеча, что слово освещает,
Пред тем, как смыслы оживить его.

Они встают пред разумом поэта,
Пред совестью, восстав из ничего,
Из пустоты божественного света,
Перед его душой... И только лишь она,
Что воспринять как истину, решает.

Душа неумолима, как стена,
И только этим Красоту спасает».

Была страна мечты

Я в сердце вас
Прекрасной Дамой чту.
В моей судьбе
Вы стали перекрёстком,
Где встретил вас
Как давнюю мечту,
Что родилась во мне,
Когда я был подростком.

За суетою дней
Я позабыл о ней,
Но вы явились мне
Как тень воспоминанья,
О родине мечты,
О счастье детских дней.
И я едва сдержал
Внезапный всхлип рыданья.

У каждого из нас
Была страна мечты,
Огромная
Как солнечное небо,
Такой бездонной

Чистой высоты,
Что без раздумий,
Радостно и слепо,
Стремился к ней взлететь,
Но всякий раз,
Я падал вниз,
Кляня своё бессилье.
Но вы меня спасли.
Случайно встретив вас,
Я чувствую, что
Обретаю крылья.

Вновь заимело смысл
Стремление в высоту.
Я понял, наконец,
Души предназначенье:
Постичь
Прекрасной Дамы красоту,
Земное
Не утратив притяженье.

Они распять мечтают соловья

Я не люблю искусство наших дней
За склонность к лжи и выдумкам никчемным.
С Прекрасной Дамой, спутницей моей,
Мы всё, что называют современным,
Обходим стороной, но в этот раз
Зашли, по случаю, на выставку модерна.

Прошлись по ней: всё плохо, гадко, скверно.
Здесь с падших душ соскобленная грязь,
Ещё одна на человечество напасть,
Причислена к классическим шедеврам.

И спутница моя Прекраснейшая Дама
Промолвила: «Мошенники обосновались здесь.
У них в мозгах скопилось много хлама.
Искусство их как выгребная яма,
И актуальность в нём, и современность есть,
И креатив с новациями срама.
Они распять мечтают соловья
С всеобщего согласия народа...»

Пряма, как выстрел, спутница моя,
И правда для неё превыше, чем свобода.

Поцелуй на морозе так свеж

Наста снежного яблочный вкус.
Запах сдобы печёной из кухонь.
Притаился сиреневый куст
Под накидкой морозного пуха.

Разрывая сугроб, рыжий пёс
Снег хватает горячею пастью.
Зимний город опутан насквозь
Серебристою иневою снастью.

Снег, белее белёных овчин,
Приодел и берёзы, и липы.
Отражаясь, играют лучи,
И слышны снегирины скрипы.

На ресницах растаявший снег
Озарил всё волшебным сияньем.
И, волнуясь, глядит человек
На деревья, трамваи и зданья.

Он влюблён. Молодая душа
В дым хмельна от надежд и восторга.
И навстречу подружке спеша,
Он скользит с ледяного пригорка.

Поцелуй на морозе так свеж,
Так пленительно вкусен и сладок...
Беззаботное время надежд,
И счастливая жизнь без оглядок.

Расставание

В тревожно мятущемся мире,
Где спорят огонь и вода,
Не зря мы друг друга любили
В свои молодые года.

Но радость погасла, как искра,
На миг озарив темноту.
Цветы соловьиного свиста
Печально сияют во льду.

Во мгле привокзального дыма
Мелькнула родная рука.
И холод забвенья незримо
Меж нами развёл берега.

Давно мы друг друга не помним
За множеством прожитых лет.
Мы слышали топот погони.
Мы видели дивный рассвет.

Но радостный день не занялся.
И свет лишь надеждой манил.
Я долго за счастьем гонялся,
Но всё, что искал, позабыл.

Неистовый смерч разобщенья
Летит, ослепляя наш дух.
И нас засосало вращенье
В пустой обезличенный круг.

Воскреснет очарованная пыль

Душа Прекрасной Дамы – нежный свет,
Что вдохновенно вокруг неё струится.
Она со мной готова поделиться
Очарованием, которого уж нет
В унылой жизни и литературе,
Но есть ещё пока в живой натуре –
В берёзке хрупкой, в роднике лесном...
Но в мире человеческого, пустом,
Очарование вдруг стало нам не нужно,
Хотя таится в нём вся сила Красоты.

На первый взгляд, легко и простодушно,
Оно взирает с звёздной высоты,
И души очаровывает смертных
Надеждой на спасительный исход.
И человек надеется и ждёт,
Что час ему придёт восстать из мёртвых.
И все, кто был, опять вернутся в быль,
Воскреснет очарованная пыль,
И в ней не будет первых и последних.

Чем ближе день рожденья

Чем ближе день рожденья, тем печальней
Я вглядываюсь в собственную жизнь:
Какой она была порой начальной,
Какою стала, покотившись вниз
С накатанного предками пригорка.

И вспоминаю, как в далёком вдалеке
Я мчался на «снегурках» по реке.
Вдруг проломилась ледяная корка,
Я чуть было не рухнул в полынью.
Но случай сохранил мне жизнь мою.

Куда я рухну в свой последний час,
И оборву судьбы своей рассказ?

Лишь временами слышу я и вижу,
Сквозь сыплющийся времени песок,
Прекрасной Дамы милый голосок
И нашу с ней прогулку по Парижу.

Воспоминание о романсе

Отдавши дань вину и суесловью,
Я вспомнил век романса золотой.
И вас люблю той трепетной любовью,
Какой влюблён был Пушкин молодой.

Я много лет мечтал о нашей встрече,
Чтоб вы явились из минувших дней.
Но лишь однажды мой печальный вечер
Вы озарили прелестью своей.

Я видел вас, вы были в белом платье.
Для нас одних звучал волшебный вальс.
Но не случилось трепетных объятий,
Ни потаённой переклички глаз.

И понял я, что вы меня не ждали,
Что ваше сердце занято другим.
В моей любви себя вы не узнали
И усмехнулись выдумкам моим.

Не обрести мне в вашем сердце славу:
Всё очерствил продажный новый век.
Мою любовь, как позднюю отаву,
Зальют дожди, засыплет мокрый снег.

Но будет жить в душе моей предвечной
Счастливый миг в чреде унылых дней,
Когда случайно мой печальный вечер
Вы озарили прелестью своей.

Заломают меня, заломают...

День волнующе свеж и прозрачен.
Праздник солнца в родной стороне.
Снег растаял и щедро растрочен
На приданое новой весне.

Напоил он, чтоб всё возродилось,
И вошло из земной темноты,
Чтоб оделась весна, нарядилась
В разнотравье, листву и цветы.

Раскрывается почка за почкой,
Что ни листик, то свежий стежок.
У берёзки по свежей сорочке
Прогулялся шалун – ветерок.

Прошептала она, молодая,
Прикоснувшись к лицу моему:
– Заломают меня, заломают,
И не скажет никто – почему?

Я вздохнул и подумал с участием:
Ничего не поделаешь тут,
Что к красавице робкой несчастья,
Как репы придорожные, льнут.

По весне ли, по лету – кто знает,
Но в известный лишь случаю миг,
Заломает красу, заломает
Мимоезжий нетрезвый мужик.

Тайна

Когда любовь меня оставит,
Остынет сердце, вымрет чувство,
Мой трезвый ум лишь позабавит
Кокетства женского искусство.

Роман развеется случайный,
Бесследно канет в жизни прошлой.
И то, что нам казалось тайной,
Закончится обманом пошлым.

Я всё забыл... Но вот сегодня
Приснился мне закат кровавый,
И будто я схожу по сходням
К своей последней переправе.

Она пылала и дымилась
Расплавом огненно-железным.
Но вдруг ступенька подломилась,
И я готов был рухнуть в бездну.

Меня всего одно мгновение
От преисподней отделяло,
Но ты, явившись из забвенья,
Меня на кромке удержала.

И понял я, что совесть тайно
Господним страхом душу лечит.
Совсем не пошлой, не случайной
Была когда-то наша встреча.

* * *

Я такой не видывал –
Ты была светла.
Я тебя не выдумал –
Ты сама пришла.

Это счастье богово
Было нам дано:
Встретились два облака –
И слились в одно.

Такая вот у нас престранная любовь

Она вчера была со мной нежна.
Сегодня затаённым хладом дышит.
Догадываюсь, в чём моя вина,
Но оправдаться не могу – не слышит,
На все щеколды заперлась, молчит.
Я не могу привлечь её внимание.
Боюсь задеть неловко – заискрит,
Как провод при коротком замыкание.

Такая вот у нас престранная любовь.
Пытаюсь балансировать на лезвии
Отточенных, как бритва, точных слов,
Без этого не может быть поэзии.
На них я поскользнулся в прошлый раз
И тем не угодил Прекрасной Даме.
Она прогневалась, в опале я сейчас,
Но оправдаюсь новыми стихами.

Две гвоздики

Я помню скуку дней ненастных,
Дождинок россыпь на стекле,
И две гвоздики жарко-красных
В хрустальной вазе на столе.

Ночь обещала быть морозной.
Поникших в иньевой пыли,
Я их сорвал... И в муке слёзной
Они от хлада отошли.

Одна – моя. Твоя – другая,
Хоть нет тебя давно со мной.
Ожив, они напоминают,
Про то, как счастлив был с тобой.

И пусть тревожно завывает
Ненастье, сотрясая дом,
Покойно мне: цветы мерцают
Живым и трепетным огнём.

От них июльским веет зноем
Моя рабочая тетрадь.
И лишь про близкое, родное
Душа способна вспоминать.

Любимых тени, близких лики
Плывут в затейливой игре,
Пока мерцают две гвоздики
На стихотворном алтаре.

Встреча

Я не выдумал вас – вы живая.
Из безумной сумятицы дней
Вы явились, влюблённо сияя,
Как души отраженье моей.

Наша встреча продлилась мгновенье.
В разноликом кипенье толпы,
Не коснувшись друг друга, как тени,
Разошлись мы по воле судьбы.

Я искал вас. Надежду на встречу
Не утратил, живя суетой.
И ваш образ в разлуке сердечной
Не завял, не подёрнулся мглой.

И недавно мне было виденье:
В свете, что воссиял из окна,
Предо мною, всего на мгновенье,
Вы соткались из яви и сна.

Я окно распахнул. Над оградой
Чья-то жизнь закатилась звездой.
Помню запах цветущего сада,
Росный след на траве молодой.

Я не выдумал вас – вы живая.
Из безумной сумятицы дней
Вы явились, влюблённо сияя,
Как души отраженье моей.

Мне нравится её возвышенная нега

Мне нравится её
Возвышенная нега
В изгибах тела
И в движенье рук,
Манящий взор
И, вместе с тем, испуг,
Когда на ложе,
Что белее снега,
Ждёт от меня
И ласк, и нежных мук.

Я замираю,
Прелестью сражённый.
И вижу
В мутном свете с потолка
Другой её на ложе –
Обнажённой,
Возложенной
На алые шелка.

От знойных чар
Я – то горю, то стыну.
К ней надо подойти,
Но не могу никак.
Как будто наступить
Боюсь на мину.
И не решаюсь
Сделать даже шаг.

Ничей запрет
Мне не стесняет душу.
Но я не преступлю
Запретную черту.
Мне кажется,
Что этим я разрушу
О Красоте
Высокую мечту.

Я думал, что смогу вас переплыть

Мы встретились.
Такое не забыть.
И до сих пор
Стоит перед глазами
Ночь, что сияла
Звёздами над нами.
Я думал,
Что смогу вас переплыть,
Как реку,
Но застрял меж берегами.

Они надёжно приняли меня
И повлекли
К запретному порогу,
Где я проник
К заветному истоку
Восторга плоти,
Страстного огня,
Что бушевал
В частичке каждой тела.

Сначала медленно,
Застенчиво, несмело
Мы погрузились
В бездну наслаждений,
Для коих
Даже в русском языке
Пока достойных
Нет ещё сравнений.
Я уподобил вас
Стремительной реке,
В которой мы,
Прекрасная, однажды
Слились
И страстно утолили жажду.

И никогда
Восторга не забыть,
Как сладкий морок
Опийного дыма.
Такое
Невозможно повторить,
Поскольку эта ночь
Неповторима.

Моя любимая больна

Моя любимая больна.
И в этом есть моя вина,
Что не сберёг её, голубку,
И не купил пальто иль шубку,
Она теперь лежит бледна.

Лицо покрылось крупным потом,
И хрипло дышит, кашель бьёт
Бедняжку. Вряд ли врач придёт
К нам, бедолагам безработным.

Таким, как мы, никто не рад,
Что по полгода без зарплат,
Но каждый день к станкам идут,
Строгают, точат, пилят, шьют.
Продукты в лавках в долг берут.
Детей в обноски одевают.

И дружно в Думы выбирают
Тех, кто на них всегда плюют,
Три шкуры за жильё дерут,
И вечно властвовать желают.

Таким, как я, никто не рад.
Я знаю, в чём я виноват,
Что я в чужой стране родился.
Где волку брат – всегда богат,
И где никто не подавился
Ни воровством, ни грабежом,
Где даже мысли нет о том,
Куда нас гонят всех гужом?

Как тишина вокруг страшна!
Все крепки рухнули святыя...
Моя любимая больна,
Как вся великая Россия.

Не знаю я...

Не знаю я, согласишь ли ты мне...
К чему слова – поверь себе и чувству.
Как без тебя темно в моём окне!
Как без тебя и холодно, и пусто
Не только наяву, но и во сне!

Тебя со мною нет.
Темней любой тюрьмы
Весь этот срок, все эти две недели
Меня душила ревность, а из тьмы
Такие сны в мой мозг больной летели,
Что ты с другим в саду, на карусели...

Тот бред прошёл, любимая,
Но знай,
Я отболеть хочу. Наверно, так и надо.
И так в мечтах хватил я через край,
А до смерти любить – большая ли награда?
Но лихом ты меня не поминай.

Я выдумал тебя.
Не знаю почему
Извлёк тебя из хаоса, пучины
Житейской суеты. Сейчас мне самому
Не разобраться, не понять причины,
Чтоб дать ответ и сердцу, и уму.

Но ты была...
Ещё во мне ты есть.
Надолго ли – решит судьба иль случай.
Но так любить – не радость, а болезнь,
Внезапное затмение падучей,
Когда теряешь разум свой и честь.

Нетленный день

Людмиле

Уходит время, превращаясь в тень,
Неведомо какой от нас тропюю.
Но есть один нетленный летний день,
Он пребывает рядышком со мною.

В нём мы с любимой радостно идём
По полю созревающей пшеницы.
Нам плечи гладит солнышко теплом.
И свежий ветер овекает лица.

В пшенице звонко бьют перепела,
Звенят кузнечики и шелестят стрекозы.
И солнце высоко, и даль светла.
И облака белы, как будто розы.

Весь мир принадлежал нам, молодым.
И каждый день одаривал нас новью.
Я был силён, удачлив и любим.
Ты счастлива была моей любовью.

Нам жизнь казалась радостной игрой,
Где проигравших никогда не будет.
И горе не коснётся нас с тобой,
И наше счастье время не остудит.

На ягодной опушке у леска
Трава так мягко и покорно мнётся.
Ты рядышком легла, и так была близка,
Я чуял, как твоё сердечко бьётся.

И на устах улыбка расцвела,
Как ягода поспевшей земляники.
Её ты с поцелуем отдала.
И час любви нам показался мигом.

Нас потревожил прогремевший гром.
Залепетали листья на берёзе.
Блистая в ореоле огнем,
Гроза была подобна чёрной розе.

Нас приютил от ливня старый дуб.
Мы под его густую крону встали.
Едва губами я твоих коснулся губ,
Как молнии тревожно засверкали.

Ударил гром, и с ним упал с небес
Шар белого огня и пролетел над нами.
Он излучал невыносимый блеск,
Пока не сгинул, молча, за холмами.

Нас обошла смертельная беда,
И с жизнью мы едва не попрощались.
Но мы о том не ведали тогда,
А бегали вокруг дуба и смеялись.

Снегирь

Сквозь полумглу и тишину
В окне забрезжила заря.
Ты встала, подошла к окну
И увидала снегиря.

Румянец утра проступал
Над снежной шапкой сеновала.
И он всё ближе подлетал,
На ветках вспыхивая ало.

Ты потянулась к снегирю.
Тебе казалось, что как будто
Он на груди принёс зарю
И свежесть солнечного утра.

С плеч на пол соскользнул халат.
Твоё доверчивое тело
Всё-всё от шеи и до пят,
Затрепетав, порозовело.

Не помню даже как

Не помню даже как, но потерял я вас.
Кричу, зову... В ответ нет даже эха.
И как мне жить теперь, не видя ясных глаз,
Улыбки милой, и не слышать смеха,

И голоса, в котором иногда
Мне чудилось дыханье нежной страсти?
Но я не знал, не ведал, что тогда
Таким несметным обладал я счастьем.

Вы, мной наскучив, возвратились ввысь
В созвездие своё Прекрасной Дамы.
Вас утомила взбалмошная жизнь
С поэтом ветреным и мрачными стихами.

Обижен крепко я за ваш побег:
Ведь не Минкульт, а вы – за Красоту в ответе.
Она ему нужна, как прошлогодний снег,
Но людям Красота важней всего на свете.

Наверно, нелегко вам отраженьем быть
Её всегда небесного сиянья.
Ваш вечный долг – Прекрасное хранить
Поэту и народу в назиданье.

Причал

Поманила жизнь, наобещала.
Но утраты укротили пыл.
Табунятся волны у причала.
Отливая синью птичьих крыл.

В золотые кудри листопада
Иней вплёл сиянье седины.
Не грусти, любимая, не надо.
В том, что осень, нашей нет вины.

Вспомни, как на белой свадьбе мая
Сыпался черёмуховый цвет,
И в полнеба крылья простирая,
Нас встречал над Волгою рассвет.

Много слов промолвлено в запале,
Много клятв погребено в пыли.
Мы одни на брошенном причале.
Пароходы юности ушли.

Жизнь прошла с восхода до заката.
В том, что осень, нашей нет вины.
В золотые кудри листопада
Иней вплёл сиянье седины.

Мы страстно жили, время торопя

Мы страстно жили, время торопя,
Нас влѣк вперед надежд на счастье пыл.
Ты всю до капельки мне отдала себя,
Но я тебя ещё не отдал.

Случались дни, в объятиях моих
Ты без остатка всё во мне брала.
И мы тонули в радостях земных,
Мы нашей жизни были два крыла

Судьбы, что долго не могла взлететь
Туда, где много сгнуло людей.
Ты помогла мне страх преодолеть
Пред высотой поэзии моей.

Всегда была ты рядышком со мной.
У нас всегда была одна тропа.
Твоя душа моей была душой,
Ты не жалела для меня себя.

Достойна ты величественных слов,
Которые ещё я не постиг.
Я мало написал тебе стихов,
Поскольку ты сама великий стих.

И жизни, словно не было за мной

... И жизни, словно не было за мной.
Я всё забыл – мечтания и опыт
Исканий счастья и борьбы с собой,
И пыл страстей, и охлаждений копоть.
В беспамятстве сожжённых спешкой лет
Пришёл конец надеждам и дерзаньям.

И над руинами минувшего сияньем
Я вижу лишь Прекрасной Дамы свет.
Во мне он память сердца оживляет.
Я вспоминаю всех, кого уж нет,
И слышу, как они, с упрёками, зывают
От имени людей, за правду павших,
К живым, чтоб не погибла Красота,
И в человеке совесть и мечта
Основой жизни были, как и раньше.

Содержание

«Забросить я решил стихосложение»	3
Золотая струйка света	4
Красота	6
Горит поэзия моя	8
И это всё про вас	9
Кольцо соблазна.....	10
Вы звали – я на ваш явился зов.....	12
И вздрогнул я	14
Портрет.....	16
Устали вы	18
Морок предновогодний	20
Про вас мне говорят.....	22
Уходит из России Красота.....	23
Но это навсегда будет тайной.....	24
Затмения ночь	26
На Красоту объявлена охота	28
Мы от всех заслонились	29
Не возвращайте мне... меня	30
Пора сказать	31
Случайная встреча.....	32
Напутствие.....	33
Соловьиный сад.....	35
На солнце, говорят	36
Ты стала звонкой памятью о лете.....	38
Увядающая роза	40
Где это всё?	41
О времени, что не ушло в песок.....	42
Очи	43

Счастье правды	44
Мы встретимся ещё	46
Огонь	47
Он жив, но умер как поэт.....	48
В музейной тишине	51
Загадка творчества.....	52
Была страна мечты	53
Они распятъ мечтают соловья	55
Поцелуй на морозе так свеж	56
Расставание	58
Воскреснет очарованная пыль.....	60
Чем ближе день рожденья	61
Воспоминание о романсе	62
Заломают меня, заламают.....	64
Тайна.....	66
«Я такой не видывал...».....	68
Такая вот у нас престранная любовь.....	69
Две гвоздики.....	70
Встреча	72
Мне нравится её возвышенная нега	74
Я думал, что смогу вас переплыть	76
Моя любимая больна	78
Не знаю я.....	80
Нетленный день	82
Снегирь	85
Не помню даже как.....	86
Причал.....	87
Мы страстно жили, время торопя	88
И жизни, словно не было за мной	89

Полотнянко Николай Алексеевич

Прекрасная Дама

Стихотворения

В авторской редакции.

Компьютерный набор
Л.И. Полотнянко.

Подписано в печать 31.07.17.
Формат 70х100 1/32. Бумага офсетная.
Гарнитура Times New Roman.
Печать ризографическая.
Усл.печ.л. 3,47. Заказ №17/063

Тираж 300 экз.

Отпечатано
в издательско-полиграфическом
центре «Гарт» ИП Качалин А.В.
432042, Ульяновск, ул.Рябикова,4.